

Вальтер Кауфман

О Со-Стоянии отсидевшего...

Я знаю Арсения Рогинского как человека, у которого простая разница между двумя позициями – сидеть и стоять – обозначает разницу между двумя совершенно разными измерениями: по месседжу, по выражению, по эмоциональному состоянию. Кажется, что Арсений, собственно, только стоя может говорить по-настоящему свободно и открыто; зато тем выразительнее умеет молчать, когда сидит. Стоя молчать и говорить сидя – и то и другое у него, конечно, бывает, но обычно указывает на обязывающие или неординарные обстоятельства – это вообще просто вопреки его природе.

Попытаюсь обрисовать, о чем Арсений говорит стоя, о чем молчит сидя и как выглядят исключения из этого «распорядка». Материал для подобного «изучения» черпаю из 20 лет дружеского диалога и сотрудничества между «Мемориалом» и Фондом им. Генриха Бёлля.

Стоящий Арсений – это и Арсений медленно и задумчиво идущий, фланирующий. Невероятно свободно он цитирует и импровизирует, когда водит посетителя по пушкинскому Петербургу, а молчит, когда увлеченно слушает еще более разветвленные рассказы своего сына Бори о Петербурге Достоевского. Он любит этот город, хотя мне кажется, что город для него слишком красив, что все эти прекрасные здания – великолепный фасад, скрывающий несвободу, отвлекающий от нее.

С таким же увлечением Арсений фланирует по Москве Сталина и Берии. Делясь своими огромнейшими знаниями о подробностях, он открывает для гостя квартал вокруг Лубянки, где находились штаб-квартиры советского террора.

В берлинском Ренессанс-театре Арсений стоя анализирует перед замороженной аудиторией продолжительное воздействие сталинистского наследия в России Путина и объясняет, какое существенное значение до сегодняшнего дня имеют сталинистские мифы и нарративы не только для укрепления государственной власти, но и как базовые элементы общественной идентичности. Говорит он свободно, спокойно и задумчиво – пафос его не обличительный, а скорее грустно-удивленный – о мощности авторитарного наследия России и о бессилии другого, демократического наследия. Обезоруживающее признание собственного бессилия, своих ошибок, неудач сопряжено с четким неприятием любого фатализма, тонко-ироничной демонстрацией силы, базирующейся на сознании верности собственной позиции и понимании внутренней слабости авторитарных режимов.

Расхаживая, Арсений порой намечает программы целых конференций, формулирует взвешенные политические заявления, предлагает проекты книг. Он завораживает стипендиатов и стипендиатов Фонда Бёлля, расхваливая их исследовательские работы, разъясняя значимость их находок, о чем они сами, возможно, и не догадывались. Стоя Арсений с восхищением и в подробностях рассказывает о семейной истории школьницы, которая, участвуя в школьном конкурсе «Мемориала», наткнулась на скрытые и вытесненные из повседневной памяти семьи эпизоды жизни своей бабушки.

В Берлине с Федеральным президентом Йоахимом Гауком Арсений ходит по большой мемориальной выставке «ГУЛАГ», при этом обращая особое внимание не на яркие манифесты и артефакты террора, а на мельчайшие детали, которые рассказывают о лагерных буднях, о солидарности узников, об их стремлении просто выжить.

С замученным видом он сидит на совещаниях, касающихся организационных и финансовых вопросов, а в какой-то момент встанет и яркими красками очертит якобы или действительно трудное финансовое и кадровое положение «Мемориала». Чтобы потом – опять сидя – передать решение конкретных проблем под осмотрительное руководство Лены Жемковой, которая, как правило, находит решения и в самых неразрешимых ситуациях. С чуть неловким видом он сидит на приемах в посольствах, приглашениям которых отказать не смог, и вежливыми фразами обменивается с высокопоставленными лицами или напрягается в поиске дипломатических формулировок. Сидя на своем рабочем месте, он с трудом переносит хвалебные песни в адрес «Мемориала» и гражданского общества от посетителей, которые на самом деле приехали в Москву для политических сделок за закрытыми дверями.

Когда Арсений сидит, он обычно молчит. Однако настолько выразительно, что нельзя не заметить его безусловного присутствия. С оборонительным жестом Арсений в середине 90-х годов выслушивает молодого сотрудника Фонда Бёлля, рассказывающего ему о потенциале, который представляет для просветительской работы Интернет. Но год спустя он – конечно, стоя – на годичной конференции Международного Мемориала гордо представляет первый и уже достаточно отточенный веб-сайт «Мемориала».

Арсений сидит и молчит с отсутствующим выражением лица, когда немецкие Зеленые пытаются ему разъяснить распространенное на Западе понятие «гендер» или приводят аргументы против ядерной энергетики. А два года спустя – как гром среди ясного неба – и стоя – ссылается именно на этот разговор и просит дать более подробную информацию.

На многочисленных встречах и форумах с немецкими партнерами и политиками он сидя пожимает плечами, так отвечая на вечный вопрос: а что «нам, немцам» или «нам, европейцам» делать с этой российской политикой, с Ельциным, Путиным и т.д. Чтобы потом, стоя во время перекура, выдать: «Понятия не имею – но говорите им наконец правду в лицо!»

Когда Арсений молчит стоя, он выражает больше, чем могут сказать тысячи слов. Так он ежегодно 31-го октября стоит в общей очереди у Соловецкого камня, когда сотни москвичей возвращают память о жертвах сталинского террора, вслух зачитывая их имена.

А иногда он просто стоит и молчит, потому что не находит слов от радости и восхищения чем-то замечательным. И пусть таких моментов будет больше – это главное, чего я ему желаю в этот юбилей .